

ГЕЛЬМАН-ГАЛЕРИСТ ГЕЛЬМАН-КОЛЛЕКЦИОНЕР ГЕЛЬМАН-АНАЛИТИК

Чат с Гельманом 2

Посетитель :
Чмок!

Виртуальный Марат :
Тебя тоже чмок :)
Учтите, у меня жена есть :)))

Посетитель :
А она красивая?

Виртуальный Марат :
Просто прекрасная. Зовут Юля :)

Поговорите с Виртуальным Маратом

Посетитель :
null

Виртуальный Марат :
null

Посетитель :
null

Виртуальный Марат :
null

Посетитель :
ты обкурился?

Виртуальный Марат :
да, но, по-моему, в сети это не имеет значения.

Посетитель :
null

Виртуальный Марат :
null

Поговорите с Виртуальным Маратом

Гельман-галерист подарил миру Кулика и Бренера. Голый Кулик кусался и публично совокуплялся с животными; Бренер — испражнялся перед картиной Ван Гога в Музее Пушкина. Про Гельмана-пол иттехнолога говорили, что он якобы связан с нечистой силой. Гельман-коллекционер подарил Русскому музею 60 картин. На ОРТ Гельман был аналитиком. Потом неожиданно для всех уволился. Сейчас строит дачу неподалеку от подмосковной Жуковки и, как он сам говорит, тихо размышляет о будущем. Результатом деятельности Гельмана-мыслителя, похоже, станет очередной скандальный проект. 11 сентября он совместно с бывшим продюсером «Тату» Иваном Шпаваловым представляет певицу Нато. Шахидку, которая поет о любви.

Естественно, дата имеет значение.
МГ: Естественно. И имя имеет значения. С одной стороны, это просто имя восточной женщины, с другой — НАТО. Она будет выступать с закрытым лицом. По легенде, она пела для Бен Ладена.
Легенду придумали Вы?
МГ: Скажем так, она в любом случае — настоящая мусульманская девушка, поющая на всех восточных языках: арабском, таджикском и т.д. Все ее песни — о любви. Ее сестры — шахидки. Она же, чтобы не взрывать, пошла петь. У НАТО нет биографии, нет, как такового, имени.
А пояс у нее будет?
МГ: Да, инкрустированный и красивый.
То есть Вы, уйдя из политики, продолжаете заниматься ею на новом уровне? Шахидки — это же, скорее, политика, чем шоу-бизнес?
МГ: Это уже не политика, а быт. Наша система безопасности готова воевать с глупыми стариками и злыми мыслями. А с той стороны — обычные сельские женщины. Важно, чтобы мы знали, кто враг. Для шахидки жизнь ничего не значит, потому что убили сына. Но у нее есть своя человеческая история, которую можно понять. Мы считаем, что лучше бы эти женщины пели, чем взрывали себя.
Выходит, наступает новая эра — эра Гельмана-музыкального продюсера?
МГ: Не совсем так. Галерея все равно остается главным делом. Может быть, в какой-то момент инте-

рес к политике превалировал. Но галерея существовала. Не так активно, как раньше. За это время благодаря нам появились, например, «Синие носы». Так что кое-какую «свежую кровь» на конец 90-х нам удалось собрать.
Что будет с галереей?
МГ: Мы начнем ее модернизировать. Сейчас готовится большая музейная программа по всему миру. Романтическо-греческий период для русского искусства прошел. Потом был период раздумья. Можно было двигаться в сторону респектабельности. Роскошные пространства. Все круче и круче. Можно было — в сторону антиквариата, как многие мои коллеги. Меня это не интересует. Мне нравится заниматься искусством, когда я реально встречаюсь с людьми, которые его делают.
Как-то Вы сказали, что российское искусство Вам надоело. А украинское — наоборот. Оно как-то удачно из соцреализма прыгнуло в современную историю. Ваша галерея в Киеве живет гораздо более интенсивной жизнью.
МГ: Я продюсер. Раскрывать известного художника просто. Настоящая работа начинается, когда вытаскиваешь то, что никому не известно. Украинское искусство сегодня не оценено. Вообще слово «Украина» стало известно в мире только после футболиста Шевченко. А, например, в прошлом году мы показали миру Васю Цаголова. Очень успешно. Потом делали грузинскую выставку. Мы хотим быть международными не только в смысле продвижения искусства туда, но и в смысле собирания здесь.
Почему Вы, уже будучи известным человеком, ушли в политтехнологии? Ведь эта профессия требует оставаться в тени.
МГ: Это из области «в баскетбол лучше играть высоким мужчинам». Но иногда и невысокие играют хорошо. Так же и здесь. Известность, конечно, мешает. Люди концентрируются на тебе. Например, один кандидат в губернаторы проиграл свою кампанию только потому, что боролся не против своих конкурентов, а против Гельмана.
Уход в политику — художественный жест?
МГ: Нет. Для меня это две отдельные сферы, которые нельзя смешивать. Хотя они чем-то похожи. И ху-

джник, и политик эгоцентричен. Каждый продвигает свое. Я же занимался не политикой, а выборами, где главная цель — победить. Чтобы победить, надо работать с творческими людьми. Наши политики этого не понимают.
А правда, что Вы от имени коммунистов приглашали журналистов на пресс-конференции, которых не было? И что писали якобы коммунистические, но на самом деле провокационные листовки? Такие слухи ходили.
МГ: Выдумки. Просто когда люди чего-то не понимают, то приписывают сверхъестественные качества. Недавно я нашел какую-то львовскую газету, где украинский депутат говорит: к нам едет Гельман организовывать взрывы, как в Москве. Ужас наводит сама профессия политтехнолога. А известность и серокардинальская работа придавали моему образу демонические черты.
Давайте вернемся к искусству. Вы как-то сказали, что неприлично в России иметь собственный музей.
МГ: Я имел в виду, что ситуация вокруг создания собственного музея сильно политизирована. Я не хочу попадать в этот контекст.
Не планируете подарить что-нибудь московским музеям?
МГ: Возможно, Третьяковке. Но только тогда, когда этот музей организуют по-другому. Я же вижу, что Ерофеев у них на правах падчерицы. В общем, отдам картины в хорошие руки.
Сколько работ у Вас в коллекции?
МГ: Точно не скажу. Если считать графику, что-то около 1500.
Вы — мастер организовывать провокации. Кроме Нато, планируете что-нибудь еще?
МГ: Радикальный жест слегка дискредитирован событиями 11 сентября. Все тогда обратили внимание, что картинка горящих самолетов сильно смахивала на кино. Сейчас как раз период, когда радикальное искусство немного неуместно.
Какие мысли у Вас по поводу будущего русского искусства?

МГ: Тревожные. Оппонент поднимает голову. Какое-то время он был дезориентирован западом, где к современному искусству относятся хорошо.
А кто оппонент?
МГ: Косная власть и православная церковь. Они себя считают оппонентами и ждут провокаций.
Вы имеете в виду ситуацию с выставкой «Осторожно, религия»?
МГ: Я ее, кстати, не организовывал. Просто встал на их сторону. К сожалению, сейчас культуру пытаются поставить в подчиненное положение: вот мы делаем съезд, а после политической части — эстрадный концерт. Это свои. А художник не может быть своим.
У Вас есть интересная мысль о ненужности авторского права.
МГ: Авторское право в том виде, в каком оно существует сегодня — мешает. Информационное пространство настолько насыщено, что одни и те же вещи могут рождаться в разное время и в разных местах. И в разных головах. Мысли принадлежат Вселенной. А художник воспринимает искусство прошлого, даже недавнего, как материал. Это как с пейзажем. Ты рисуешь, например, пейзаж с домом. А потом приходит печник и говорит: «Это моя труба, ее форма определена мною. Плати!». Смешно. Я же отношусь к твоей трубе, как к части пейзажа, как к дереву. Когда я работал на телевидении, была замечательная ситуация: одна организация зарегистрировала патент на реалисти-шоу. И теперь все, даже «Фабрика», должны платить им дань.
И платят?
МГ: Платят! Дальше — медицина. Чудовищная ситуация. Больные люди — это всегда малообеспеченные. 90% стоимости лекарств — плата за патент. Система, при которой человек за свое здоровье платит машине копирайта. В искусстве, я считаю, эпоха постмодернизма завер-

шилась. Мы живем в мире, где проблема авторства сложно устроена. В музыке — если три такта совпадают, это уже плагиат. Но сегодня в музыке и большие, и малые цитаты оправданы художественными замыслами. И потом, копирайт ограничивает доступ к технологиям, а сегодня это — хлеб. Малообеспеченные люди должны пользоваться той же музыкой, теми же программами, что и все. Это справедливо. Сейчас это одна из базовых потребностей человека. Короче говоря, я против той системы копирайта, которая существует на сегодняшний день. Но я понимаю, что она не может быть просто так отменена. Должны быть какие-то механизмы перехода к новому авторскому праву.

Еще один ваш титул — президент Интернет-академии. Расскажите, пожалуйста, что это такое?

МГ: Интернет-академия родилась в 1998 году, когда после дефолта грохнулась моя архитектурная мастерская. Было много свободного времени, и я начал заниматься Интернетом. Сделал свой первый сайт. И обнаружил: Интернет — чрезвычайно активная среда. Познакомился с «первопроходцами» русского Интернета. С Темой Лебедевым, Антоном Васильевым. Кроме них на тот момент Интернет был никому не интересен. Это сейчас они вполне состоявшиеся. А тогда были молодыми и маргинальными, в преддверии Интернет-бума чувствовали важность момента и, особенно, важность своей роли. Короче, мы с ними решили организовать Интернет-академию, члены которой выбрались по принципу «кто ты сделал для Интернета». Соответственно, я был первым, кто сделал сайт по искусству. А так как никто из них не был известен, кроме меня, то меня выбрали президентом. Это номинальная должность. Я ничего не делаю. Внешняя деятельность нашей Академии заключается в том, что если кто-то что-то важное делает в Интернете, то его приглашают в Академию.

Сейчас она существует?

МГ: Да.

Что она конкретно делает?

МГ: Награды раздает. Есть такая награда — ЗРИ.

Да, Знаменитость Русского Интернета. Вас как-то даже выбирали в качестве самого знаменитого интернет-человека.

МГ: Да, было как-то.

А вам не кажется, что Интернет, в принципе, потихоньку теряет ту свободу, которая была еще три-четыре года назад. Сейчас ведь нельзя опубликовать сайт, какой ты хочешь.

МГ: Почему же, можно. Просто никто его не заметит. Интернет как пространство стал более структурированным. Раньше ты просто блуждал по Интернету. Особым удовольствием было попадать по ссылкам на какие-то случайные, затерянные сайты. Двигаться вглубь, не имея плана. Сейчас есть несколько больших магистралей. И есть деревеньки, куда никто не заезжает. Я думаю, что Интернет тем и хорош, что в принципе непонятно, как его «сковать». Можно, конечно, вырубить, но тогда придется вырубить все. Я продолжаю считать, что Интернет уничтожил закрытость. Он демократичен и доступен каждому. Вспомните: древний мир, огонь умели добывать только шаманы. И вдруг кто-то изобрел спички. Вот Интернет — это спички, которыми могут пользоваться и дети.

Для каких целей конкретно вы используете интернет?

МГ: Ну, например, я не смотрю новости по телевизору. Интернет для меня — основной источник информации. И новая среда, на которую я сейчас делаю ставку. Например, мы хотим создать новую музыкальную среду — менее жесткую, чем та, что существует сейчас. То, что происходит сегодня в этой области — карикатурно. Такой музыкальный ЦК. Система, которая держится на Крутом и на Эрнсте. Система, которая не позволяет появиться новому. Либо технологизирует это появление, типа «Фабрики». В советские времена, чтобы попасть в эту систему, надо было внедриться в нее, и ее же разрушить. Сейчас, я думаю, можно построить другую систему дистрибуции музыки. Для тех, кто не попадает в форматы. Мы сейчас как раз и создаем такую среду для музыкантов. И еще Интернет для меня — это способ индивидуализации жизни. Когда государство действует жестко, человек должен меньше зависеть от него.

Что Сеть дает современному художнику? МГ: Прежде всего, способ диалога со зрителем. Художники еще с XVII века мечтали выстроить систему взаимоотношений со своими зрителями. Картина воспринималась как медиатор. Сегодня эта мечта о коммуникации реализована в Интернет-искусстве. Зритель может даже стать частью этого искусства. Например. Создается некая художественная программа. Ты в нееходишь. И от того, как ты действуешь, зависит форма художественного произведения.

Кроме настоящего Гельмана, который, как мы знаем, многолик, существует еще и виртуальный (на сайте галереи). Вы как-нибудь контролируете его жизнь?

МГ: Ее контролирует программа. На каждый вопрос она выдает какую-нибудь подходящую цитату из интервью.

А вопросы посетителей — настоящие?

МГ: Да.

Сегодня там был вопрос: «А как Гельман относится к лесбиянкам?».

МГ: И как?

Хорошо.

МГ: Ну, и ладно. Мужчинам приятно на них смотреть. Приятнее, чем на гомосексуалистов.

Беседовала Алла Архангельская
Фотографии Игоря Ивандикова

